

Советские поэты Великой Отечественной войны

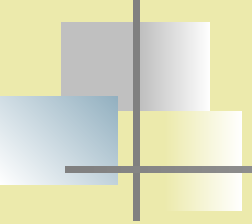

Асеев Николай Николаевич

(1889-1963), русский поэт. Родился 28 июня (10 июля) 1889 в Льгове Курской губ. Сын страхового агента (по др. сведениям, агронома). Окончил Курское реальное училище (1907), учился в Московском коммерческом институте (1908-1910), был вольнослушателем Московского университета (историко-филологический факультет). С 1908 регулярно печатался в журналах "Весна", "Заветы", "Проталинка", альманахе "Первоцвет" и др. изданиях; некоторое время работал секретарем в журнале "Русский архив"

НАДЕЖДА

Насилье родит насилье,
и ложь умножает ложь;
когда нас берут за горло,
естественно взяться за нож.

Но нож объявлять святыней
и, вглядываясь в лезвие,
начать находить отныне
лишь в нем отраженье свое,—

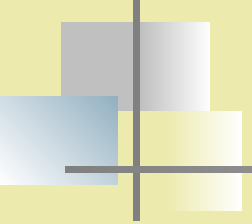
нет, этого я не сумею,
и этого я не смогу:
от ярости онемею,
но в ярости не солгу!

Убийство зовет убийство,
но нечего утверждать,
что резаться и рубиться —
великая благодать.

У всех, увлеченных боем,
надежда горит в любом:
мы руки от крови отмоем,
и грязь с лица отскребем,

и станем людьми, как прежде,
не в ярости до кости!
И этой одной надежде
на смертный рубеж вести.

IN MEMORIAM

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена!
Ведь все равно — вы с нами!..
Все на колени, все!
Багряный хлынул свет!
И ленинградцы вновь идут сквозь дым рядами —
Живые с мертвыми: для славы мертвых нет.

Август 1942, Дюрмень

Важно с девочками простились...

Важно с девочками простились,
На ходу целовали мать,
Во все новое нарядились,
Как в солдатики шли играть.
Ни плохих, ни хороших, ни средних...
Все они по своим местам,
Где ни первых нет, ни последних...
Все они опочили там.

22 июня 1941

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым,-
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

Июль 1941, Ленинград

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

23 февраля 1942, Ташкент

ПОБЕДИТЕЛЯМ

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «Берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки —
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки,—
Внуки, братики, сыновья!

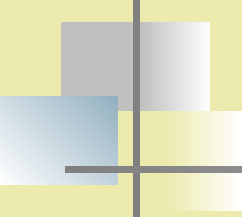
29 февраля 1944, Ташкент

Всеволод Багрицкий [1922 - 26 февраля 1942]

Сын [Эдуарда Багрицкого](#). С 1926 года семья жила в "ближнем Подмосковье", в Кунцеве. Писать стихи начал в раннем детстве; занимался драматургией - в частности, вместе с И. Кузнецовым и А. Галичем писал "коллективную пьесу" "Город на заре". Его стихи входили во все антологии столь любимого советским литературоведением жанра "поэты, павшие на Великой Отечественной войне". Литературоведение всегда полагало, что лучший поэт - это мертвый поэт, и тем самым давало соответствующим органам прямую рекомендацию к умножению "лучших".

Мне противно жить не раздеваясь...

Мне противно жить не раздеваясь,
На гнилой соломе спать.
И, замерзшим нищим подавая,
Надоевший голод забывать.

Коченея, прятаться от ветра,
Вспоминать погибших имена,
Из дому не получать ответа,
Барахло на черный хлеб менять.

Дважды в день считать себя умершим,
Путать планы, числа и пути,
Ликовать, что жил на свете меньше
Двадцати.

1941

Я приехал сюда...

Я приехал сюда
И, не скрою, плюю
На твои холода,
На старинную Каму твою.

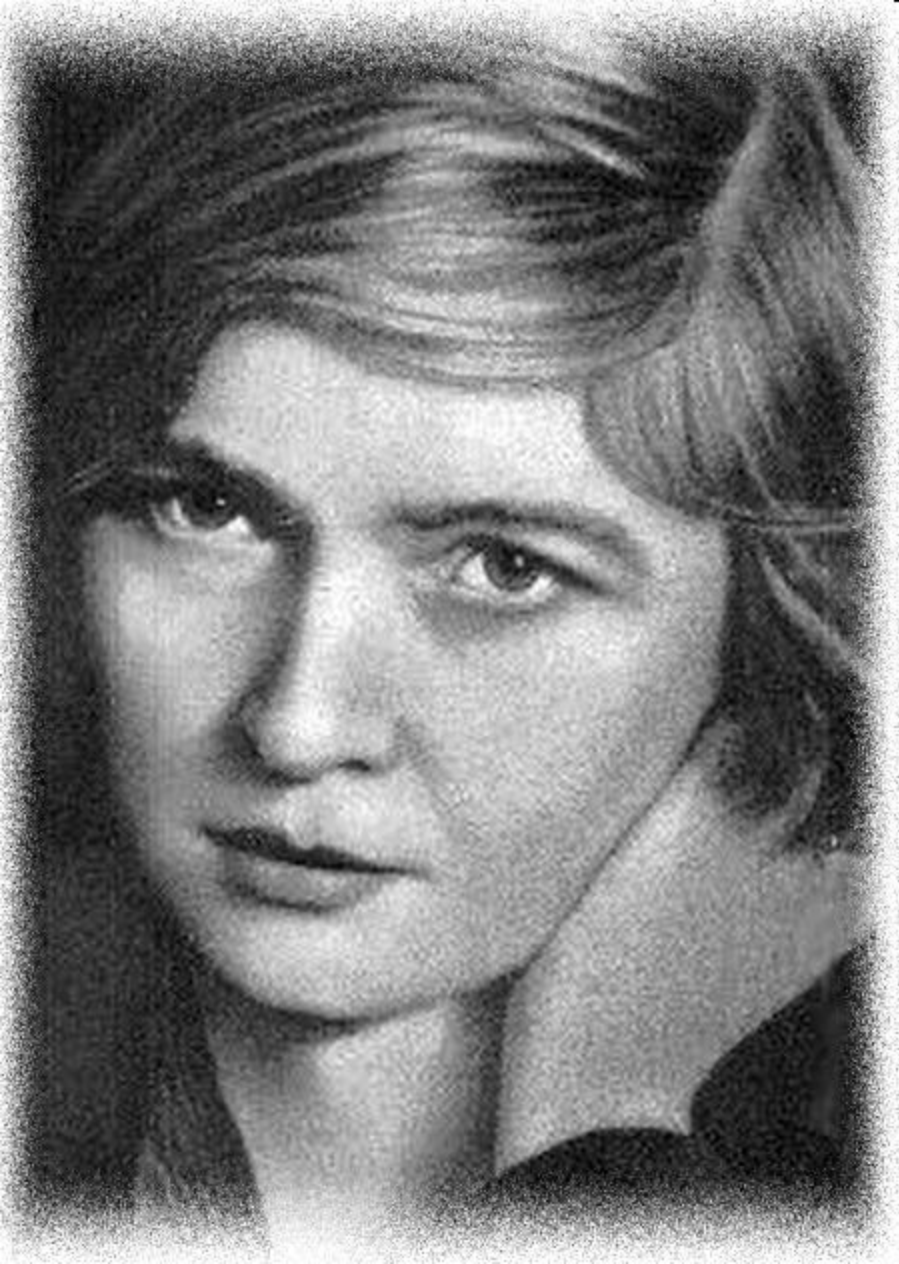
Есть глухая тоска
В белоснежных полях
До озноба в виске,
До тумана в глазах.

Как я быстро привык
О друзьях забывать,—
Спросят нас, кто погиб,
И начнешь бормотать.

Удилами исхлестаны губы,
Опрокинуты дни на дыбы.
Тех, кого мы любили,— на убыль!
Тех, кого схоронили,— забыть!

Самовар, словно маленький
карлик,
Задыхался, мычал и укачивал.
Мы с тобой этот вечер украли
У голодных степей азиатчины.

1 ноября 1941

БЕРГГОЛЬЦ ОЛЬГА ФЕДОРОВНА (1910-1975)

В годы Великой Отечественной войны Берггольц, оставаясь в родном городе все 900 дней блокады, работала на Ленинградском радио. Часто, обессиленная от голода, ночевала в студии, но никогда не теряла силы духа, поддерживая свои обращения к ленинградцам доверительными и мужественными стихами, в которых картины блокадного города соседствуют с раздумьями о героизме, верности и любви, побеждающими страдания и смерть. Строки О.Берггольц высечены на гранитной стеле Пискаревского мемориального кладбища: "Никто не забыт и ничто не забыто".

Мы предчувствовали полыханье...

Мы предчувствовали полыханье
этого трагического дня.
Он пришел. Вот жизнь моя, дыханье.
Родина! Возьми их у меня!

Я и в этот день не позабыла
горьких лет гонения и зла,
но в слепящей вспышке поняла:
это не со мной - с Тобою было,
это Ты мужалась и ждала.

Нет, я ничего не позабыла!
Но была б мертва, осуждена,-
встала бы на зов Твой из могилы,
все б мы встали, а не я одна.

Я люблю Тебя любовью новой,
горькой, всепрощающей, живой,
Родина моя в венце терновом,
с темной радугой над головой.

Он настал, наш час, и что он значит –
только нам с Тобою знать дано.
Я люблю Тебя - я не могу иначе,
я и Ты по-прежнему - одно.

Июнь 1941

29 ЯНВАРЯ 1942

Отчаяния мало. Скорби мало.
О, поскорей отбыть проклятый срок!
А ты своей любовью небывалой
меня на жизнь и мужество обрек.

Зачем, зачем?

Мне даже не баюкать,
не пеленать ребенка твоего.
Мне на земле всего желанней мука
и немота понятнее всего.
Ничьих забот, ничьей любви не надо.
Теперь одно всего нужнее мне:
над братскою могилой Ленинграда
в молчании стоять, оцепенев.
И разве для меня победы будут?
В чем утешение себе найду?!
Пускай меня оставят и забудут.
Я буду жить одна - везде и всюду
в твоём последнем пасмурном бреду...
Но ты хотел, чтоб я живых любила.
Но ты хотел, чтоб я жила.
Жила всей человеческой и женской силой.
Чтоб всю ее истратила дотла.
На песни. На пустячные желанья.
На страсть и ревность - пусть придет
другой.
На радость. На тягчайшие страданья
с единственною русскою землей.
Ну что ж, пусть будет так...

Январь 1942

работали многие композиторы, в том числе Дмитрий Кабалевский, Ян Френкель, [Раймонд Паулс](#) Многие стихи Расула Гамзатова стали песнями, например, «Журавли», «Исчезли солнечные дни». С ним тесно работали многие композиторы, в том числе Дмитрий Кабалевский, Ян Френкель, Раймонд Паулс, [Юрий Антонов](#) Многие стихи Расула Гамзатова стали песнями, например, «Журавли», «Исчезли солнечные дни». С ним тесно работали многие композиторы, в том числе Дмитрий Кабалевский, Ян Френкель, Раймонд Паулс, Юрий Антонов, [Александра Пахмутова](#) Многие стихи Расула Гамзатова стали песнями, например, «Журавли», «Исчезли солнечные дни». С ним тесно работали многие композиторы, в том числе Дмитрий Кабалевский, Ян Френкель, Раймонд Паулс, Юрий Антонов, Александра Пахмутова; среди исполнителей песен на его стихи — [Анна Герман](#) Многие стихи Расула Гамзатова стали песнями, например, «Журавли», «Исчезли солнечные дни». С ним тесно работали многие композиторы, в том числе Дмитрий Кабалевский, Ян Френкель, Раймонд Паулс, Юрий Антонов, Александра Пахмутова; среди исполнителей песен на его стихи — Анна Герман, [Галина Вишневская](#) Многие стихи Расула Гамзатова стали песнями, например, «Журавли», «Исчезли

Говорят, что посмертно...

Говорят, что посмертно
Тела наши станут землею.
Я поверять готов
В немудреную эту молву.
Пусть я стану частицей
Земли, отвоеванной с бою,
Той земли, на которой
Сейчас я всем сердцем живу.

1943 г.

ПАМЯТНЫЙ ДЕНЬ

"Скажи мне, товарищ,
В какой это год
Донец переплыл ты и спас пулемет?"
"Всего не упомнишь,
Чудной человек,
Немало пришлось мне формировать рек".

"Скажи мне, товарищ.
Ты вспомнишь иль нет,
Когда получил ты партийный билет?"

И он назовет и тот день и тот час:
Такое бывает всего только раз.

1945 г.

"Скажи мне товарищ,
Про доблесть свою,
Когда ты был ранен в жестоком бою?"

Он скажет лениво:
"Ответить бы рад,
Да всех своих ран не упомнит солдат."

Гончаров Виктор

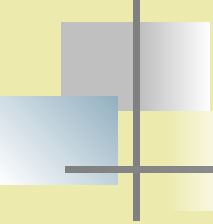
(7 сентября 1920 г., Краснодар — 13 мая 2001 г., Москва) — русский поэт (7 сентября 1920 г., Краснодар — 13 мая 2001 г., Москва) — русский поэт, писатель (7 сентября 1920 г., Краснодар — 13 мая 2001 г., Москва) — русский поэт, писатель, художник, коллекционер.

Автор поэмы «Летающий мальчик», сборников «Индийские сказки», «Сказки и притчи». Участник Великой Отечественной войны, лейтенант.

Участник Великой Отечественной войны; лейтенант.

Окончил Литинститут (1951). Печатается как поэт с 1934 года в кубанской газете «Красное знамя». Переводчик поэзии народов СССР. Член Союза писателей СССР (1954), Член Союза журналистов СССР (1990).

Когда тебя бессонной ночью...

Когда тебя бессонной ночью
Снарядный визг в окоп швырнет,
И ты поймешь, что жизнь короче,
Чем южной звездочки полет,—
Пусть, славя жизнь, и ночь, и осень,
Отбой горнисты протрубят,—
Глотая кровь, ты сам попросишь
Своих друзей добить тебя.
Но не добьют... Внесут в палату,
Дадут железных капель пить,
Наложат гипс, и в белых латах,
Как памятник, ты станешь жить.
И выходят!.. Как из пеленок,
Ты в жизнь шагнешь из простыней,—
Нетерпеливый, как ребенок,
Спешащий к матери своей.

22 июня 1941

Скоро, скоро я домой поеду...

Скоро, скоро я домой поеду,
И земля закружится в окне.
И в купе какой-то непоседа
Заведет беседу о войне.

Будет любоваться им девчонка,
Восхищаясь радугой наград.
Мимо окон будет литься тонкий,
Слабо обозначенный закат.

Я не стану прерывать беседу,
Но и разговор не поддержу.
Я своей соседке и соседу
За победу выпить предложу

И за то, что скоро я увижу
Небольшую мельничную гать,
Бурей покореженную крышу,
Бедами обиженную мать.

Низенькая, щуплая, без силы,
Жизнь свою высчитывает в днях.
Ей война, как сдачу, возвратила
Пулями побитого меня.

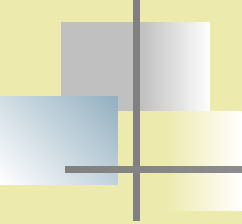
1945

Семен Гудзенко

В [1939](#)В 1939 г. поступил в [ИФЛИ](#)В 1939 г. поступил в ИФЛИ и переехал в Москву. В [1941](#)В 1939 г. поступил в ИФЛИ и переехал в Москву. В 1941 г. добровольцем ушёл на фронт, в [1942](#)В 1939 г. поступил в ИФЛИ и переехал в Москву. В 1941 г. добровольцем ушёл на фронт, в 1942 был тяжело ранен. После ранения был фронтовым корреспондентом. Первую книгу [стихов](#)В 1939 г. поступил в ИФЛИ и переехал в Москву. В 1941 г. добровольцем ушёл на фронт, в 1942 был тяжело ранен. После ранения был фронтовым корреспондентом. Первую книгу стихов выпустил в [1944](#) г. После окончания Второй мировой войны работал корреспондентом в военной газете.

НАДПИСЬ НА КАМНЕ

У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколенья.

Ни крестов, ни цветов,
не полощутся флаги.
Серебрится кусок
алюминьевой фляги,
и подсумок пустой,
и осколок гранаты –
неразлучны они
даже с мертвым солдатом.

Ты подумай о нем,
молодом и веселом.
В сорок первом
окончил он
среднюю школу.

У него на груди
под рубахой хранится
фотокарточка той,
что жила за Царицей.

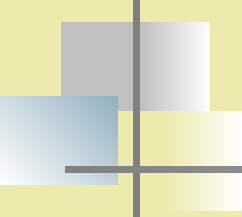
...У могилы святой
встань на колени.
Здесь лежит человек
твоего поколенья.

Он живым завещал
город выстроить снова
здесь, где он защищал
наше дело и слово.

Пусть гранит сохранит
прямоту человека,
а стекло - чистоту
сына
трудного века.

23 июля 1943, Сталинград

Прожили двадцать лет...

Прожили двадцать лет.
Но за год войны
мы видели кровь
и видели смерть –
просто, как видят сны.

Я все это в памяти сберегу:
и первую смерть на войне,
и первую ночь,
когда на снегу
мы спали спина к спине.

Я сына верно дружить научу,-
и пусть не придется ему воевать,
он будет с другом
плечо к плечу,
как мы,
по земле шагать.

Он будет знать:
последний сухарь
делится на двоих. ...
Московская осень, смоленский январь.
Нет многих уже в живых.

Ветром походов,
ветром весны
снова апрель налился.
Стали на время
большой войны
мужественней сердца,
руки крепче, весомей слова.

И многое стало ясней. ...
А ты по-прежнему не права –
я все-таки стал нежней.

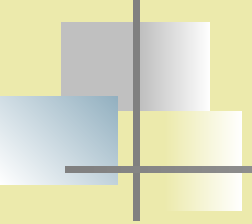
Май 1942

Долматовский Евгений

Поэзия Долматовского, с 1939 в качестве военного корреспондента участвовавшего в походе Красной Армии в Западную Белоруссию и в войне с Финляндией, а с 1941 — в боях с гитлеровцами, во многом питалась фронтовыми впечатлениями, как и его прозаические произведения — повесть *Зеленая брама*. *Документальная легенда об одном из первых сражений Великой Отечественной войны* (1979-1989), в которой — одной из первых в отечественной литературе — рассказана основанная на личном опыте автора, попавшего в 1941 в окружение и бежавшего из плена снова на фронт, правда о первых страшных месяцах войны и жестокой несправедливости сталинского государства, обвинявшего в предательстве всех советских "окруженцев" и пленников; воспоминания *Было* (кн. 1-2, 1973-1979; окончат. вариант — *Записки поэта*), рассказы и очерки.

МОГИЛА ГЕТЕ

Я знаю, так случится: на рассвете
В немецкий дряхлый город мы войдем,
Покрытый черепицею столетней
И косо заштрихованный дождем.
Проедем на гвардейском миномете,
Как под крылом, по улицам пустым.
«Здесь, в этом городе, могила Гете», -
Полковник скажет мальчикам своим.

Сойдут гвардейцы Пушкинской бригады
С овечьих легендою машин
И встанут у кладбищенской ограды,
И слова не проронит ни один.
И только вспомнят Пушкинские горы,
Тригорского священные места,
Великую могилу, на которой
Прикладами расколота плита.

Весь город в танковом могучем гуле...
Плывет рассвет. На лужах дождь кипит.
Стоят гвардейцы молча в карауле
У камня, под которым Гете спит.

1945

Зенкевич Михаил

В годы Отечественной войны Зенкевич по состоянию здоровья не был призван в армию. Часто выезжал на фронт с чтением своих стихов, выступал по радио, готовил сборники переводной антифашистской поэзии. В годы войны написал поэму *От Сталинграда до Танненберга* (1943, не опубликовано).

РАССТАВАНИЕ

Стал прощаться, и в выцветших скорбных глазах,
В напряжённости всех морщин
Затаился у матери старческий страх,
Что умрет она позже, чем сын.

И губами прильнула жена, светла
Необычным сиянием глаз,
Словно тело и душу свою отдала
В поцелуе в последний раз.

Тяжело — обнимая, поддерживать мать,
Обреченность ее пожалей.
Тяжело пред разлукой жену целовать,
Но ребенка всего тяжелей!

Смотрит взглядом большим, ничего
не поняв,
Но тревожно прижался к груди
И, ручонками цепко за шею обняв,
Просит: «Папа, не уходи!»

В этом детском призыве и в детской слезе
Больше правды и доброты,
Чем в рычании сотен речей и газет,
Но его не слушаешь ты.

И пойдешь, умирать по приказу готов,
Распроставшись с семьей своей,
Как ушли миллионы таких же отцов
И таких же мужей, сыновей.

Если б цепкая петелька детских рук
Удержала отцовский шаг,—
Все фронты перестали б работать вдруг
Мясорубками, нас не кроша.

Прозвенело б заклатьем над пулей
шальной:
«Папа, папа, не уходи!»
Разом пушки замолкли б,— все до одной,
Больше б не было войн впереди!

ФРОНТОВАЯ КУКУШКА

Вповалку на полу уснули
Под орудийный гневный гром.
Проснулись рано в том же гуле
Раскатно-взрывчатом, тугом.

Я из землянки утром вышел
Навстречу серому деньку
И в грозном грохоте услышал
Певучее «ку-ку, ку-ку...»

Еще чернели ветви голо,
Не высох половодья ил,
И фронт гремел, а дальний голос
Настойчиво свое твердил.

Огонь орудий, все сметая,
Не причиняет ей вреда.
Поет кукушка фронтовая,
Считая долгие года.

На майском утреннем рассвете
На гулком боевом току
Бойцам желает многолетия
Лесное звонкое «ку-ку».

1942

Кедрин Дмитрий

В 1940 вышел единственный прижизненный сборник стихов Кедрина *Свидетели*. В 1943, несмотря на плохое зрение, поэт добился направления специальным корреспондентом в авиационную газету "Сокол Родины" (1942-1944), где печатал, в частности, сатирические тексты под псевдонимом Вася Гашеткин. Интонации доверительной беседы, историко-эпическая тематика и глубокие патриотические импульсы питали поэзию Кедрина военных лет, где встает образ матери-Родины, горечью первых дней войны и непоколебимой волей к сопротивлению (стихи и баллады *1941, Ворон, Набег, Глухота, Князь Василько Ростовский, Весь край этот, милый навеки..., Колокол, День суда, Победа* и др.).

ОСЕНЬ 41 ГОДА

Еще и солнце греет что есть силы,
И бабочки трепещут на лету,
И женщины взволнованно красивы,
Как розы, постоявшие в спирту.

Но мчатся дни. Проходит август краткий.
И мне видны отчетливо до слез
На лицах женщин пятна лихорадки —
Отметки осени на листьях роз.

Ах, осень, лета скаредный наследник!
Она в кулак готова всё сгрести.
Недаром солнце этих дней последних
Спешит дожечь, и розы — доцвести.

А женщины, что взглядом ласки просят,
Не опуская обреченных глаз,—
Предчувствуют, что, верно, эта осень
Окажется последней и для нас!

22 июня 1941

УБИТЫЙ МАЛЬЧИК

Над проселочной дорогой
Пролетали самолеты...
Мальчуган лежит у стога,
Точно птенчик желторотый.
Не успел малыш на крыльях
Разглядеть кресты паучи.
Дали очередь — и взмыли
Вражьи летчики за тучи...
Все равно от нашей мести
Не уйдет бандит крылатый!
Ои погибнет, даже если
В щель забьется от расплаты,
В полдень, в жаркую погоду
Он воды испить захочет,
Но в источнике не воду —
Кровь увидит вражий летчик.
Слыша, как в печи горячей
Завывает зимний ветер,
Он решит, что это плачут
Им расстрелянные дети.
А когда, придя сторонкой,
Сядет смерть к нему на ложе,—
На убитого ребенка
Будет эта смерть похожа!

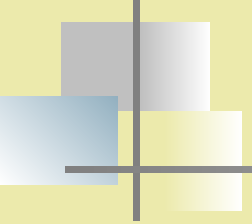
1942

Леонид Мартынов

Сказочно-фантастический мотив поисков страны счастья определил тональность поэтических сборников *Лукоморье* и *Эрцинский лес* (оба 1945), осужденных тогдашней критикой за отрыв от времени и аполитичность. В то же время В.В.Маяковский и А.А.Блок повлияли на раннюю урбанистическую и любовную лирику Мартынова, с годами набиравшую силу. В годы Великой Отечественной войны Мартынов вводит в свои стихи и очерки тему историко-культурной преемственности. Конец 1940-х годов в поэзии Мартынова — время полноты светлого ощущения бытия, динамизма и радостного восприятия мира, переживания внутренней свободы, открытости всему окружающему — событиям, природе, людям (стихотворения *Мне кажется, что я воскрес...*, *Царь природы*, *Дедал*, *Люди*, *Европа*, *Свобода* и др.).

НАРОД-ПОБЕДИТЕЛЬ

Возвращались солдаты с войны.
По железным дорогам страны
День и ночь поезда их везли.
Гимнастерки их были в пыли
И от пота еще солонны
В эти дни бесконечной весны.

Возвращались солдаты с войны.
И прошли по Москве, точно сны,—
Были жарки они и хмельны,
Были парки цветами полны.
В Зоопарке трубили слоны,—
Возвращались солдаты с войны!

Возвращались домой старики
И совсем молодые отцы —
Москвичи, ленинградцы, донцы...
Возвращались сибиряки!

Возвращались сибиряки —
И охотники, и рыбаки,
И водители сложных машин,
И властители мирных долин,—
Возвращался народ-исполин...

1945

Лебедев-Кумач Василий

В годы Великой Отечественной войны Лебедев-Кумач, служивший в военно-морском флоте, написал много массовых песен и стихов, звавших к битве (сборники *Споем, товарищи, споем!*, *В бой за Родину!*, *Будем драться до победы*, все 1941; *Вперед к победе!*, *Комсомольцы-моряки*, оба 1943). Автор поэтических сборников *Книга песен*, *Моим избирателям* (оба 1938), *Мой календарь. Газетные стихи 1938 г.* (1939), *Песни* (1939; 1947), *Колючие стихи* (1945), *Стихи для эстрады* (1948), стихов, адресованных детям (*Петина лавка*, 1927; *Про умных зверюшек*, 1939; *Под красной звездой*, 1941).

Один из признанных литературных мэтров и создателей советской массовой песни, обласканный властью, лауреат Государственной премии (1941), Лебедев-Кумач, судя по мемуарным публикациям конца 1990-х годов, испытывал периоды острого разочарования в чистосердечно воспеваемой им советской действительности и особенно в ее вожде Сталине. Но это не повлияло на создание поэтом жизнеутверждающей песенной мифологии современного ему общества.

В МЕТРО (Колыбельная)

**Баю-бай! Мы спим не дома,
Люди мимо нас идут.
Нам закроет глазки дрема.
Ничего! Уснем и тут!**

**Там вверху готовы к бою,
Там глядят зенитки с крыш,—
А таким, как мы с тобою,
Надо прятаться, малыш.**

**Черный враг летит неслышно,
Хочет город наш бомбить,
Хочет всех таких малышей,
Всех ребяток перебить.**

**Черный враг летит неслышно,
Хочет город наш бомбить,
Хочет всех таких малышей,
Всех ребяток перебить.**

**Нет у нас кровати нашей,
Нет игрушек под рукой,
Но зато нам враг не страшен,
И надежен наш покой.**

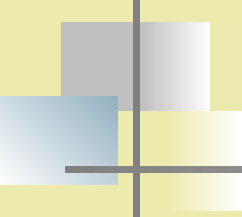
**Мы запомним эти ночи
И сирен тревожный клич...
Спи спокойно, мой сыночек,
Спи, мой маленький москвич!**

**Разобьют врага герои,
Будет вновь Москва сиять,
И, как прежде, мы с тобою
Будем дома сладко спать.**

**А за окнами квартиры,
И кипуча и жива,
Песню стройки, песню мира
Будет петь тебе Москва.**

1941

СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,-
Идет война народная,
Священная война!

Как два различных полюса,
Во всем враждебны мы:
За свет и мир мы боремся,
Они - за царство тьмы.

Дадим отпор душителям
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеет враг топтать!

Гнилой фашистской нечисти
Загоним пулю в лоб,
Отребью человечества
Сколотим крепкий гроб!

Встает страна огромная,
Встает на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,-
Идет война народная,
Священная война!

1941

ЧЕТЫРЕ СТРОКИ

В больной фашистской голове
Благоразумья нету и в помине.
Наполеон — и тот обжегся на Москве,
А Гитлер — просто прогорит в Берлине!

22 июля 1941

ОБЛАКА КРИЧАТ

По земле поземкой жаркий чад.
Стонет небо, стон проходит небом!
Облака, как лебеди, кричат
Над сожженным хлебом.

Хлеб дотла, и все село дотла.
Горе? Нет... Какое ж это горе...
Полплетня осталось от села,
Полплетня на взгорье.

Облака кричат. Кричат весь день!..
И один под теми облаками
Я трясу, трясу, трясу плетень
Черными руками.

1941

СТЕНА

Взгляд цепенел на кирпичном хламе,
Но тем безрасчетней и тем мощней
Одна стена вырывалась, как пламя,
Из праха рухнувших этажей.

Улиц не было. В мертвую забыть
Город сожженный глядел, оглушен,
Но со стены, обращенной на запад,
Кричала надпись: «Вход воспрещен!»

Она не умела сдаваться на милость
И над домами, упавшими ниц,
Гордая, чужеземцам грозила,
Не в силах случившегося изменить.

И город держался. Сожжен, но не сломлен,
Разрушенный, верил: «Вход воспрещен».
По кирпичу мы его восстановим —
Лишь будет последний кирпич отомщен...

И стена воплощеньем грозового ритма
Войдет, нерушимая, в мирную жизнь,
Как памятник сотням районных Мадридов,
С победной поправкой на коммунизм!

Октябрь 1941

Пастернак Борис

(1890-1960), советский поэт, прозаик, переводчик. Родился 10 февраля 1890 в Москве.

Естественно, что в годы Великой Отечественной войны Пастернак не мог отрешить себя от судьбы России. В первые месяцы сражений он пишет патриотические стихотворения: "Страшная сказка", "Бобыль", "Застава", в дальнейшем - "Смерть сапера", "Победитель" и другие. После эвакуации в Чистополь в октябре 1941 г. и по возвращении в Москву в августе 1943 г. с бригадой писателей уезжает на Брянский фронт.

ПОБЕДИТЕЛЬ

Вы помните еще ту сухость в горле,
Когда, бряцая голой силой зла,
Навстречу нам горланили и перли
И осень шагом испытаний шла?

Но правота была такой оградой,
Которой уступал любой доспех.
Все воплотила участь Ленинграда.
Стеной стоял он на глазах у всех.

И вот пришло заветное мгновенье:
Он разорвал осадное кольцо.
И целый мир, столпившись в отдаленьи,
В восторге смотрит на его лицо.

Как он велик! Какой бессмертный жребий!
Как входит в цепь легенд его звено!
Все, что возможно на земле и в небе,
Им вынесено и совершено.

Январь 1944

РУССКОМУ ГЕНИЮ

Не слушай сплетен о другом.
Чурайся старых своден.
Ни в чем не меряйся с врагом,
Его пример не годен.

Чем громче о тебе галдеж,
Тем умолкай надменной.
Не довершай чужую ложь
Позором объяснений.

Ни с кем соперничества нет.
У нас не поединок.
Полмиру затмевает свет
Несметный вихрь песчинок.

Пусть тучи пыли до небес,
Ты высишься над прахом.
Вся суть твоя — противовес
Коричневым рубахам.

Ты взял над всякой спесью верх
С того большого часа,
Как истуканов ниспроверг
И вечностью запасся.

Оставь врагу его болты,
И медь и алюминий.
Твоей великой правоты
Нет у него в помине.

1941

Рождественский Всеволод

В годы Великой Отечественной войны 1941—45 Р. — корреспондент военных газет; пишет массовые песни, патриотические стихи (сборники "Голос Родины", 1943, "Ладога", 1945). Лирика Р. 1960—70-х гг. посвящена прошлому и настоящему Ленинграда, красоте северной природы.

ГОЛОС РОДИНЫ

В суровый год мы сами стали строже,
Как темный лес, притихший от дождя,
И, как ни странно, кажется, моложе,
Все потеряв и сызнова найдя.

Средь сероглазых, крепкоплечих, ловких,
С душой как Волга в половодный час,
Мы подружались с говором винтовки,
Запомнив милой Родины наказ.

Нас девушки не песней провожали,
А долгим взглядом, от тоски сухим,
Нас жены крепко к сердцу прижимали,
И мы им обещали: отстоим!

Да, отстоим родимые березы,
Сады и песни дедовской страны,
Чтоб этот снег, впитавший кровь и слезы,
Сгорел в лучах невиданной весны.

Как отдыха душа бы ни хотела,
Как жаждой ни томилась бы сердца,
Суровое, мужское наше дело
Мы доведем - и с честью - до конца!

1941

МОГИЛА БОЙЦА

День угасал, неторопливый, серый,
Дорога шла неведомо куда,-
И вдруг, под елкой, столбик из фанеры -
Простая деревянная звезда.

А дальше лес и молчаливой речки
Охваченный кустами поворот.
Я наклонился к маленькой дощечке:
«Боец Петров», и чуть пониже - год.

Сухой венок из побуревших елок,
Сплетенный чьей-то дружеской рукой,
Осыпал на песок ковер иголок,
Так медленно скользящих под ногой.

А тишь такая, точно не бывало
Ни взрывов орудийных, ни ракет...
Откуда он? Из Вологды, с Урала,
Рязанец, белорус? - Ответа нет.

Но в стертых буквах имени простого
Встает лицо, скуластое слегка,
И серый взгляд, светящийся сурово,
Как русская равнинная река.

Я вижу избы, взгорья ветровые,
И, уходя к неведомой судьбе,
Родная непреклонная Россия,
Я низко-низко кланяюсь тебе.

1943

Симонов Константин

С первых дней Отечественной войны Симонов находился на Западном фронте. До газеты, в которую он был назначен военным корреспондентом, он так и не добрался. 13 июля в поле под Могилевым он оказался в расположении 388-го стрелкового полка, окопавшегося по всем правилам военного искусства и стоявшего там насмерть, не помышляя об отступлении. Этот крохотный островок надежды среди океана отчаянья сильно и навсегда впечатался в писательскую память. Именно на этом Буйническом поле в романе *Живые и мертвые* встретятся два любимых симоновских героя – Синцов и Серпилин. На этом поле Симонов завещал после смерти развеять свой прах.

Майор привез мальчишку на лафете...

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами -
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

1941

Ты говорила мне «люблю»...

Ты говорила мне «люблю»,
Но это по ночам, сквозь зубы.
А утром горькое «терплю»
Едва удерживали губы.

Я верил по ночам губам,
Рукам лукавым и горячим,
Но я не верил по ночам
Твоим ночным словам незрячим.

Я знал тебя, ты не лгала,
Ты полюбить меня хотела,
Ты только ночью лгать могла,
Когда душою правит тело.

Но утром, в трезвый час, когда
Душа опять сильна, как прежде,
Ты хоть бы раз сказала «да»
Мне, ожидавшему в надежде.

И вдруг война, отъезд, перрон,
Где и обняться-то нет места,
И дачный клязьминский вагон,
В котором ехать мне до Бреста.

Вдруг вечер без надежд на ночь,
На счастье, на тепло постели.
Как крик: ничем нельзя помочь!—
Вкус поцелуя на шинели.

Чтоб с теми, в темноте, в хмелю,
Не спутал с прежними словами,
Ты вдруг сказала мне «люблю»
Почти спокойными губами.

Такой я раньше не видал
Тебя, до этих слов разлуки:
Люблю, люблю... ночной вокзал,
Холодные от горя руки.

Алексей Сурков

В 1939 - 1945 Алексей Сурков в качестве военного корреспондента участвовал в освободительных походах в Западную Белоруссию, войне с белофиннами, затем в Великой Отечественной войне. Его «Декабрьский дневник»(1940), реалистически запечатлевший трудности суровой зимней кампании и «лица походных друзей», послужили как бы подступом к стихам, написанным в годы Великой Отечественной войны: сборники «Декабрь под Москвой»: Июнь - декабрь 1941г. (1942), «Дороги ведут на Запад»: Январь- май 1942 г.»(1942), «Я пою победу»: 1943 – 1945 (1946). Особенную популярность приобрели его песни «Бьется в тихой печурке огонь...», «Песня смелых»(1941) и ряд стихотворений, отмеченных в 1946 году Государственной премией СССР.

Войны имеют концы и начала...

Войны имеют концы и начала...
Снова мы здесь, на великой реке,
Села в разоре. Земля одичала.
Серые мыши шуршат в сорняке.

Мертвый старик в лопухах под забором.

Трупик ребенка придавлен доской...
Всем нас пытали - и голодом и мором,
Жгучим стыдом и холодной тоской.

В битвах пропитаны наши шинели
Запахом крови и дымом костра.
В зной паши души не раз леденели,
В стужу сердца обжигала жара.

Шли мы в атаку по острым каменьям,
Зарева нас вырывали из тьмы.
Впору поднять десяти поколеньям
Тяжесть, которую подняли мы.

Ветер гуляет по киевским кручам,
И по дорогам, размытым дождем,
Наперекор нависающим тучам
Мы за весной и за солнцем идем.

Только бы буря возмездья крепчала,
Гневом сильней обжигала сердца...
В красном дыму затерялись начала,
Трубам победы греметь у конца.

1943, Москва

Он не стонал.

Он только хмурил брови...

Он не стонал. Он только хмурил брови
И жадно пил. Смотрели из воды
Два впалых глаза. Капли теплой крови
В железный ковш стекали с бороды.

С врагом и смертью не играя в прятки,
Он шел сквозь эти хмурые леса.
Такие молча входят в пекло схватки
И молча совершают чудеса.

1939-1940

Александр Твардовский

В 1939-1940 Твардовский служил в армии в качестве военного журналиста, участвовал в походе на Польшу и в финской кампании. В годы Великой Отечественной войны был фронтовым корреспондентом различных газет. Свою лирику военных лет поэт называл "фронтовой хроникой", определяя этим названием ее содержание и стилистические особенности.

В 1941 Твардовский начал работать над поэмой *Василий Теркин*, которой дал подзаголовок *Книга про бойца*. Первые главы были напечатаны в сентябре 1942 в газете "Красноармейская правда", в том же году ранний вариант поэмы вышел отдельной книгой. Окончательный вариант был завершён в 1945.

НЕМЫЕ

Я слышу это не впервые,
В краю, потоптанном войной,
Привычно молвится: немые,—
И клички нету им иной.

Старуха бродит нелюдимо
У обгорелых черных стен. —
Немые дом сожгли, родимый,
Немые дочь угнали в плен.

Соседи мать в саду обмыли,
У гроба сбилися в кружок. —
Не плачь, сынок, а то немые
Придут опять. Молчи, сынок...

Голодный люд на пепелище
Варит немолотую рожь.
И ни угла к зиме, ни пищи...
— Немые, дед?— Немые, кто ж!

Немые, темные, чужие,
В пределы чуждой им земли
Они учить людей России
Глаголям виселиц пришли.

Пришли и ног не утирали.
Входя в любой, на выбор, дом.
В дому, не спрашивая, брали,
Платили пулей и кнутом.

К столу кидались, как цепные,
Спешили есть, давясь едой,
Со свету нелюди. Немые,—
И клички нету им иной.

Немые. В том коротком слове
Живей, чем в сотнях слов иных,
И гнев, и суд, что всех суровой,
И счет великих мук людских.

И, немоты лишившись грозной,
Немые перед тем судом
Заговорят. Но будет поздно:
По праву мы их не пойдем...

1943

НАГРАДА

Два года покоя не зная
И тайной по-бабьи томясь,
Она берегла это знамя,
Советскую прятала власть.

Скрывала его одиноко,
Закутав отрезком холста,
В тревоге от срока до срока
Меняя места.

И в день, как опять задрожала
Земля от пальбы у села,
Тот сверток она из пожара
Спасла.

И полк под спасенное знамя
Весь новый, с иголочки, встал.
И с орденом "Красное Знамя"
Поздравил ее генерал.

Смутилась до крайности баба,
Увидев такие дела.
-Мне телочку дали хотя бы,
И то б я довольна была...

1943

НОЧЛЕГ

Разулся, ноги просушил,
Согрелся на ночлеге,
И человеку дом тот мил,
Неведомый вовеки.

Дом у Днепра иль за Днепром,
Своим натопленный двором,—
Ни мой, ни твой, ничейный,
Пропахший обувью сырой,
Солдатским потом, да махрой,
Да смазкою ружейной.

И, покидая угол тот,
Солдат, жилец бездомный,
О нем, бывает, и вздохнет,
И жизнь пройдет, а вспомнит!

1944

Тушнова Вероника

[14 (27) марта 1915, Казань - 7 июля 1965, Москва], русская поэтесса. В сборниках «Память сердца» (1958), «Второе дыхание», «Сто часов счастья» (1965) — сложность душевного мира современной женщины, тревоги любви, теплота человеческих отношений.

КУКЛА

Много нынче в памяти потухло,
а живет безделица, пустяк:
девочкой потерянная кукла
на железных скрещенных путях.

Над платформой пар от паровозов
низко плыл, в равнину уходя...
Теплый дождь шушукался в березах,
но никто не замечал дождя.

Эшелоны шли тогда к востоку,
молча шли, без света и воды,
полные внезапной и жестокой,
горькой человеческой беды.

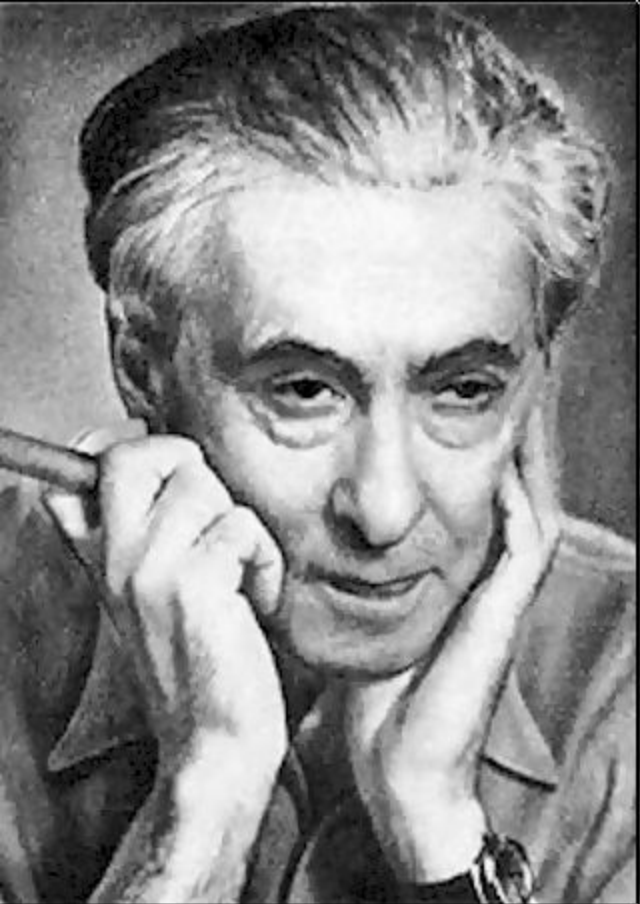
Девочка кричала и просила
и рвалась из материнских рук,—
показалась ей такой красивой
и желанной эта кукла вдруг.

Но никто не подал ей игрушки,
и толпа, к посадке торопясь,
куклу затоптала у теплушки
в жидкую струящуюся грязь.

Маленькая смерти не поверит,
и разлуки не поймет она...
Так хоть этой крохотной потерей
дотянулась до нее война.

Некуда от странной мысли деться:
это не игрушка, не пустяк,—
это, может быть, обломок детства
на железных скрещенных путях.

1943

Илья Эренбург

С началом Великой Отечественной войны становится постоянным корреспондентом газеты "Красная звезда". Эренбург чувствовал, что советские люди не понимают, с каким противником имеют дело. "У наших бойцов не только не было ненависти к врагу, в них жило некоторое уважение к немцам, связанное с преклонением перед внешней культурой". Бойцы считали, что "солдат противника пригнали к нам капиталисты и помещики...что если рассказать немецким крестьянам и рабочим правду, то они побросают оружие". Эренбург поставил себе задачу развеять эти мифы, научить ненавидеть врага. В газете печатались его пламенные статьи — обращения к солдатам, написанные в духе французского революционного памфлета.

Были липы, люди, купола...

Были липы, люди, купола.
Мусор. Битое стекло. Зола.
Но смотри - среди разбитых плит
Уж младенец выполз и сидит,

И сжимает слабая рука
Горсть сырого теплого песка.
Что он вылепит? Какие сны?
А года чернеют, сожжены...
Вот и вечер. Нам идти пора.
Грустная и страстная игра.

1943

Настанет день, скажи — неумолимо...

Настанет день, скажи — неумолимо,
Когда, закончив ратные труды,
По улицам сраженного Берлина
Пройдут бойцов суровые ряды.
От злобы побежденных или лести
Своим значением ограждены,
Они ни шуткой, ни любимой песней
Не разрядят нависшей тишины.
Взглянув на эти улицы чужие,
На мишуру фасадов и оград,
Один припомнит омраченный Киев,
Другой — неукротимый Ленинград.
Нет, не забыть того, что было раньше.
И сердце скажет каждому: молчи!
Опустит руки строгий барабанщик,
И меди не коснутся трубачи.
Как тихо будет в их разбойном мире!
И только, прошлой кровью тяжелы,
Не перестанут каменных валькирий
Когтить кривые прусские орлы.

1942

Слов мы боимся, и все же прощай...

Слов мы боимся, и все же прощай.
Если судьба нас сведет невзначай,
Может, не сразу узнаю я, кто
Серый прохожий в дорожном пальто,
Сердце подскажет, что ты — это тот,
Сорок второй и единственный год.
Ржев догорал. Мы стояли с тобой,
Смерть примеряли. И начался бой...
Странно устроен любой человек:
Страстно клянется, что любит навек,
И забывает, когда и кому...
Но не изменит и он одному:
Слову скупому, горячей руке,
Ржевскому лесу и ржевской тоске.

1944